На всех похож

Виктор Васильевич Жигунов

SHOUT
SHARE
IT

- На всех похож

На всех похож

Прохожу мимо какого-то парня на улице, он мне:

– Привет!

– Привет. А когда мы познакомились?

– Хы! Вчера за киосками соображали на троих.

Я соображал за киосками?!

В другой раз сижу на лавочке. Незнакомая женщина:

– Ты где сейчас, Володя?

– Почему Володя?

– Ну, ты же работал на фабрике.

На какой ещё фабрике?

Мужики стоят в кружок, между ними недопитая бутылка розового самогона. Огибаю их, один тычет пальцем:

– Вот этот – из шестой казармы.

Никогда я не жил в казарме. Разве только в армии, но тут имелась в виду рабочая казарма.

В журнале захожу в отдел поэзии, заведующий (легендарно малограмотная бездарь) глядит на меня и говорит другому:

– На Володю Куприянова похож.

Это поэт такой. Я нашёлся:

– А вы его печатаете?

Они расхохотались. Но всё равно не напечатали.

В магазине стою в очереди. Какая-то женщина долго глядела и восхитилась:

– Вылитый Ельцин!

Иду по цеху с группой экскурсантов. Работница бросила свою операцию и побежала за мной. Обогнала, заглянула в лицо и сказала:

– Думала, Путин.

А в одном учреждении прозвали Муамаром Каддафи (тогда глава Ливии) за похожесть.

Газета поместила фоторепортаж о празднике. Подписей не было. В редакцию явилась читательница и, ткнув в мой портрет, удивлённо спросила:

– А разве Жириновский приезжал?

Знакомый, увлекающийся математикой и астрономией, нашёл во мне сходство с Эйлером и в подтверждение прислал иллюстрацию с обложки. Потом добавил, что и от Лапласа меня трудно отличить.

Когда был популярен певец Яак Йоала, меня принимали за него.

Но ведь всё это – абсолютно разные люди, общих черт не

найти. А я почему-то на всех похож.

Планы жизни

Мы кончали школу, с полгода оставалось. Генка Рябиков разговорился с директором о том, куда идти дальше. Он был основательный парень, кряжистый и самый высокий в классе, таких потом ставят начальниками за авторитетный вид. Рябиков и в школе возглавлял комсомольскую организацию.

Директор подсказал военное училище. Как-то быстро они проскочили дальнейшую службу. Генка поинтересовался, как потом насчёт пенсии.

Я стоял в стороне и не мог удержать улыбку до ушей. Ещё школу не кончили, а он уже о пенсии беспокоится!

Спустя много лет я узнал, что он дослужился до полковника. Приехав на юбилей школы, я думал его увидеть. Но оказалось, он умер. Сердце. Успел ли хоть раз получить пенсию?

А о директоре мы, ученики, знали, что у него рак, жить оставалось год-два. Он прожил ещё 43.

Для любви нет невозможного

Сокурсница спросила:

– Что ты для меня можешь сделать?

Подразумевалось, готов ли я достать для неё звезду с неба. Ну, как отвечать в таком случае? Конечно, я заявил:

– Всё!

Она тут же придумала задание:

– Сделай, чтобы сейчас была зима.

– Пожалуйста. – Я даже пожал плечами: мол, слишком легко. На самом деле не представлял, как буду выпутываться. Кончался апрель, уже пробивалась трава. Говорю:

– Закрой глаза, иди прямо.

Она прошла метров пять. А там дом выступает на тротуар, потом стена снова отдаляется. Мы миновали выступ... и за ним я увидел громадную кучу снега. Видно, его сгребали туда, а солнце в этот угол никогда не заглядывает, гора и не растаяла.

– Поверни налево.

Она повернула. Споткнулась – и вообразите её изумление! Только что было чуть не лето, и вдруг в руках снег, перед глазами снег, хоть на санках катайся.

Дело было на площади Пушкина в Орехово-Зуеве. Поэт с постамента смотрел в нашу сторону. Не он ли помог начинающему собрату-сочинителю?

Эта любовь потом кончилась. Однажды прежняя подруга снова спросила, могу ли сотворить для неё чудо. Вопрос прозвучал без надежды, я промолчал. Любовь ушла, и чудеса вместе с ней...

Другая девушка была не из моего общежития и училась не на моём факультете. Её внезапно отправили на практику в школу. А мы не назначили следующее свидание. Раньше я мог на переменке сбегать к ней, а теперь – где искать? Она ещё и переселилась к родственникам.

Единственное, что я знал, – номер школы. Можно было позвонить туда, но где взять номер телефона? Служба 09 не откликалась. Справочник лежал у вахтёрши в институте, но ведь она не захотела бы подниматься с насиженного места, доставать книгу из шкафа, искать. Мол, много вас, студентов...

Откашлявшись, чтобы голос звучал взрослее, я из общежития позвонил в институт:

– Алло, Жигунов говорит. Посмотрите мне телефон такой-то школы.

Вахтёрша, понятно, и не слыхала такой фамилии. Но раз человек себя называет, как будто все должны его знать, то, видимо, начальник. Она покопалась и назвала номер.

– Спасибо, – сказал я басом и положил трубку. Собеседница осталась в приятной уверенности, что её поблагодарило начальство.

Учителя в школе тоже не стали бы разыскивать для какого-то юнца его подружку. Перед следующим звонком я откашлялся ещё внушительнее. Набрал номер... и попал не на кого-нибудь, а на директора. Солидный голос, уверенный.

– Говорит московский поэт Жигунов, – представился я.

Какой там московский, мои сочинения тогда ещё не появлялись выше районной газеты.

– У вас на практике студенты, – продолжал я. – Они просили выступить перед учениками. Хотелось бы уточнить время и прочее. Минутку, у меня фамилия записана...

Фамилия девушки пылала в голове огромными буквами. Однако я пошелестел около трубки листками блокнота, только потом назвал.

– Сейчас позовём, – ответил директор испуганно.

Послышалась беготня, захлопали двери, стали перекликаться голоса. Через минуту примчалась другая студентка и отрапортовала мне: нашли, позвали, идёт.

Наконец – приближающийся стук каблучков. И плачущий голос директора:

– Ну скорей, он же ждёт!

Подруга не могла говорить открытым текстом. Но девочка была умная и по дороге уже поняла, кто звонит и как отвечать. Получился разговор:

– Мы с тобой в кино собирались или как?

– Намечалось такое мероприятие.

– В «Художку»?

– Думаю, зал удобный.

– На какой сеанс? В семь?

– Да, время без изменений.

– А ты придёшь? А то буду стоять на ступеньках, как дурак.

– Аудитория будет.

В заключение я посоветовал ей для убедительности выразить восхищение моим творчеством. Она заверила, что знакомство с ним послужит воспитанию вкуса и расширению кругозора, повысит уровень и подтолкнёт к углублению.

На летние каникулы она уехала домой, мы два месяца не виделись. А едва только вернулась, её курс отправили на картошку.

Дней через десять вечером меня позвали к телефону. Звонила она: приехала, завтра уедет обратно. Поинтересовалась, что делаю. Я собирался в душ. Разрешила идти.

Спустя час снова раздался звонок.

– Сходил в душ?

– Сходил.

Помолчав, она тихо спросила:

– Ты совсем не рад, что я приехала?

– Да ты что!.. Да я думал, поздно уже... Думал, устала с дороги… Я сейчас!

Сломя голову (мокрую) я помчался в её общежитие. Посторонних впускали до 23 часов, я влетел без двадцати. Мы вышли и погуляли по институтскому городку. В три часа ночи стали стучаться обратно.

Я гремел в дверь 37 минут. Думал, вахтёр заснул, а двери двойные, он не слышит. Как потом оказалось, он отлично видел нас – двери-то стеклянные, – но не желал впускать среди ночи. А ведь домой не запрещено возвращаться в любое время. Общежитие – по закону такой же дом.

Наконец я спросил у подруги, нет ли какого-нибудь ключа. Она дала от своей комнаты. Он подошёл.

Вахтёр, раз я справился с первой дверью, сам отпер вторую.

Со всей накопившейся злостью я сказал ему несколько слов. Жаль, воспитание у меня плохое – книжное. Нет, чтобы выразиться через общеизвестные понятия вроде матери. А я обругал: бурбон! И потом интеллигенция ещё сетует, что народ её не понимает…

Когда я уходил, старик что-то кричал вслед. Обернувшись, я топнул:

– А ну!

Он брякнул дверью и быстро-быстро завертел ключом в замке.

Я добежал до своего общежития, поспал часа три и наутро проделал тот же путь до института. После занятий вернулся к себе.

Войдя в общежитие, я увидел злорадно улыбавшуюся вахтёршу. Она поступила на эту работу недавно и ещё не разобралась, кто какой. Я при ней как-то раз нелестно отозвался о коменданте. Тот был сукин сын, каждый год после получения дипломов выпускники били ему морду. Вахтёрша объявила:

– Из милиции звонили! Ты чего обзывался – фургон! Сказали, если ты ещё раз… то тебя...

Ничего себе. Старик уже заявил на меня. А я всего-то ногой топнул.

Так всё замечательно было… По учёбе я в числе первых. Постоянно ездил с выступлениями, читал свои стихи, выпускались пригласительные билеты с моим именем. Незадолго до того на доске приказов висела газета с портретом. Факультетские вечера только я и вёл. А теперь и в своём общежитии нехорош, и в другое не пустят.

Я направился в милицию: в чём дело, что я такого натворил? Но там, видно, поняли: раз человек сам обращается, то не виноват. Да у меня на лбу написано, что не хулиган. Говорю – скажите хоть, кто звонил. Не отвечают. Ну, кто дежурил-то, спрашиваю. Молчат. Может, опасались подвести товарища, который неправильно поступил.

Как же выпутаться? Несколько дней я думал. Наконец выбрал время, когда дежурила та же вахтёрша, ушёл к телефону-автомату и позвонил в своё общежитие. Говорить стал басом и ещё трубку зажал платком, чтобы уж точно голос было не узнать.

– Алло, это милиция. Жигунова мне!

Как она обрадовалась! Побежала звать. Я слышал, как скачет по кафельному полу и стучит в дверь. Не достучалась и прибежала обратно. Доложила: меня нет. Ну, я так и думал. Говорю:

– Передайте ему, ошибка вышла. Не виноват он.

– Что?! – взвизгнула она.

– Ошибка вышла. Не он это. Извинитесь перед ним.

– Ничего не слышу!

Она бросила трубку. Я снова набрал номер и грозно спросил:

– Вы почему трубку кладёте? Вам тут что, милиция или посиделки?! Передайте – так и так.

Когда я вернулся в общежитие, вахтёрша сидела мрачная, в синих и багровых пятнах, как туча на закате. Но не сообщить не могла, а то ещё посадят… Не глядя, она буркнула:

– Из милиции звонили.

– Да? – забеспокоился я.

– Извинялись…

– Во-о! – сказал я поучительно. – Правда всегда восторжествует.

Оставалось наладить отношения с другим общежитием. Я сходил взглянуть издали на его комендантшу, чтобы понять, на каком уровне её можно обмануть. Тётка как тётка.

Из автомата я позвонил туда:

– Алло, это из райкома комсомола. Нельзя ли коменданта?

Впоследствии я узнал, что райкома комсомола в городе не существовало, был горком. Но она тоже не знала. Я начал:

– Есть у вас студент Жигунов…

– Нету.

– Ну, не у вас живёт, но приходил к вам, что ли. И какой-то шум был.

– А, был, был.

– Вы, пожалуйста, проверьте. Что-то непохоже. Не такой человек.

И наплёл семь вёрст до небес, какой я активист, как меня возвращают на сцену овациями… в общем, райком на моём примере воспитывает молодёжь.

В середине разговора комендантша насторожилась:

– А вы откуда знаете, что тут было?

Действительно, откуда райкому знать о ночной стычке в общежитии? Но я подготовился к вопросу:

– Мы же посылаем дружинников в милицию. Они потом вернулись и говорят: а вот, Жигунов-то ваш… Думаете, нам приятно слышать?

Она посочувствовала. Мы посетовали на нынешнюю молодёжь, которая старших не слушает, трудно с ней… в общем, оказались родственными душами, дело у нас одно.

Надо было мне ещё представиться. А то мало ли кто звонил – может, сам Жигунов. Я в заключение попросил:

– Когда увидите его, передайте привет от Славы Яковлева.

– От кого? – спохватившись, заинтересовалась она.

– От Славы Яковлева.

Имя было первое попавшееся. На случай, если она проверит в райкоме, у меня был заготовлен ответ. Повесив трубку, я с этим ответом зашагал в то общежитие.

Шёл долго, но когда добрался, комендантша всё ещё сидела возле телефона. Делать ей нечего. Мы раньше не встречались, но при входе предъявляется студенческий билет, и, прочитав фамилию, она поглядела на меня с гордостью: вот какие замечательные люди бывают! Спросила:

– Это у вас одна книжка выходит, другая готовится?

– Откуда вы знаете? – удивился я. – Я ещё сам не уверен…

– Да уж знаем, – хитро уклонилась она.

Ничего у меня не готовилось. Но ведь потом, если у неё возникнет недоумение: а где же книжка-то? – я смогу ответить, что не был уверен. Мы приятно побеседовали. Она вспомнила:

– Вам привет от Славы Яковлева.

– Вы знакомы?

– Нет, он звонил… – Тут она сообразила, что сейчас я догадаюсь об источнике информации, и поспешно схитрила: – Райком комсомола нас не забывает, часто звонит.

Райком или горком мог звонить сюда не чаще, чем поп в

мечеть, так как институт сам был на правах райкома. Но это неважно, потому что я всё равно возразил:

– Слава не работает в райкоме.

– Как не работает?! – взвилась она.

– Конечно. Он когда-а ещё в КГБ перешёл.

Ради этого потрясающего ответа я и явился. Комендантша хоть и сидела, всё равно – так и села!

С тех пор в моём общежитии комендант только глядел на меня с бессильной злобой. А когда я приходил к своей девушке, вахтёрши разве только не накрывали стол для торжественной встречи.

Как приобрести авторитет

После пединститута я взял распределение в Казахстан. Сокурсники постарались остаться в Подмосковье, из сокурсниц поехали далеко только те, кого тут не брали замуж. А я – за романтикой. Занесло в совхоз с очень подходящим названием «Энтузиаст».

Поскольку я с гитарой, то позвали в самодеятельность. Была в разгаре уборка. В кузове грузовика мы поехали выступать на полевых станах. После второго концерта нас завели в комнату с накрытым столом. Пили все, в том числе наш шофёр. Ведь автоинспекции в степи нет и обратная дорога ровная.

И вот возвращаемся вповалку в кузове. Под боком у меня девушка, которую ещё не знаю по имени, но обнял и щупаю. Темно, никто не видит.

Только вдруг произошла перемена. Небо было серым, стало чёрным. Притом никакого звука, сотрясения, удара – или я после выпивки не почувствовал?

Почему-то сообразил, что мы опрокинулись.

Первая мысль: гитара! Я не хотел её брать в поездку: мол, сыграю на клубной, та была по звуку как табуретка, но для аккомпанемента боем лучше и не нужно. А моя хорошая, чуткая. Вскочив, я в темноте пошарил по траве. Нашёл, ощупал. Цела.

Второе: сам-то я ничего не сломал? Может, в горячке не ощущаю? Провёл ладонями по рукам, по ногам. Тоже целы.

Третье – люди. Грузовик лежал на боку в кювете. Никто, кроме меня, ещё не встал, у них же не было беспокойства за гитару. Я принялся поднимать народ. Никто не пострадал.

Попробовали поставить машину на колёса, но где там…

Что дальше? Стою, разговариваю с девушкой. С другой поблизости говорит Володя, рыхлый такой парень. Вдруг у него ноги начинают подгибаться – теряет сознание. Я подхватил его, уложил на спину. Это у него запоздалая реакция на опасность. Приподнимает голову и слабым голосом: «Мы что, перевернулись, да?» Я как можно бодрее: «Перевернулись, Володь». – «Все живы?» – «Живы». – «Хорошо…» – и уронил голову назад.

Мы все пообсуждали положение. Рядом остановился попутный грузовик, водитель вышел из кабины на подножку. Посмотрел, перекинулся словом. Уехал.

А нам что делать? До посёлка километров пять. Я подхватил гитару в одну руку, другой обнял девушку, мы пошли.

Впереди показался свет фар. Я отдалился от спутницы, чтобы

её не ославить. Мимо проскочил «уазик», или, как там называют, «бобик». На таких машинах катались начальники. Никаких лимузинов: они в степи застрянут.

Через несколько минут снова свет впереди. Чего разъездились-то? По этой дороге всего два маленьких совхоза, так что машины редки, тем более на ночь глядя. Я снова отдалился от девушки.

Когда навстречу стал приближаться третий «бобик», мне надоело прекращать объятие.

Дошли до посёлка, посидели на лавочке… в общем, дальше про это рассказывать не буду.

А с чего всполошилось начальство? Оказалось, Володя укатил на том единственном попутном грузовике. Была суббота, в клубе танцы. Ввалившись, он с порога объявил: «Машина перевернулась, все погибли, я один случайно остался жив» – и бух в обморок!

В понедельник являюсь в школу. Восьмиклассники – я у них классный руководитель – смотрят большими глазами, в которых читается: «Настоящий мужчина! Поехал. Спел с гитарой. Напился. Перевернулся. С девушкой что-то делал… Пришёл как ни в чём не бывало и уроки ведёт!» Я приобрёл у них громадный авторитет.

Вожаки народов

Я был инструктором обкома комсомола в Казахстане. В этой республике полторы сотни национальностей.

Посреди площади перед обкомом был круг голой земли. Предполагалось, что когда-нибудь он станет клумбой. Мальчишки пристроились там играть в ножички.

Первый секретарь обкома увидел их в окно и сказал третьему секретарю:

– Прогони их. Нашли место ножиком тыкать!

Третий отвечал за агитацию и пропаганду. Кому, как не ему, найти убедительные слова для мальчишек. Но, глянув в окно, он отвёл глаза: послушаются ли…

Я и третий секретарь вышли из кабинета. Я направился к себе, а он свернул в дверь четвёртого секретаря. Ну понятно, чётвёртый занимался учащейся молодёжью. А третий был хохол – он, да не найдёт, на кого свалить!

Через минуту к нам в школьный отдел зашла казашка, четвёртый секретарь. Тыча в окно пальцем, она бестолково объяснила:

– Вон хулиганы какие-то. Чего они? У нас обком!

И удалилась с видом исполненного долга.

Заведующая отделом, немка, поглядела в окно. Её лицо стало неуверенным. С мальчишек она перевела взгляд на меня и распорядилась:

– Отправь их отсюда.

Я был инструктором, должности ниже в обкоме нет. Свалить не на кого. И вообще я русский Ваня. Я поплёлся на улицу.

Ещё издали мальчишки насторожились. Сам их боясь, я произнёс то ли просительно, то ли враждебно:

– Ребята, вот это – обком комсомола. А вы с такой игрой… Шли бы, а?

Они без слов снялись с клумбы.

Вернувшись в здание, я увидел хохла, казашку и немку, наблюдавших сквозь стеклянную дверь за моим отважным походом. У всех были квадратные от удивления глаза. Немка прошептала:

– Что ты им сказал? Как ветром сдуло!

…В этой истории остался не упомянутым второй секретарь, русский. Через несколько лет я встретился с ним в Москве: в Казахстане я не прижился, а он приехал в столицу на курсы. Побывав у меня дома, он спёр книгу. Сказал бы, что нужна, я дал

бы другой экземпляр. А тот был с дарственной надписью автора.

Дважды член ВЛКСМ

В армии я был секретарём ротной комсомольской организации. Или, возможно, секретарём бюро ВЛКСМ роты – там никто не знал, как правильно.

Между тем я комсомольцем-то не был. По прибытии в часть у нас отобрали документы и деньги, уверяя, что некогда будет все перекладывать из карманов в карманы, когда нас поведут переодеваться в солдатское хабэ. Лучше бы я зажал свои богатства в кулаках... Сданную мной трёшку вернули, а десятка, запрятанная под суперобложку записной книжки, пропала. Потом и книжку украл сержант, которому понравились мои стихи. А меня внезапно перевели в другую часть. Комсомольский билет и учётная карточка остались среди барахла в каптёрке у старшины. Не стало их – не стало и члена ВЛКСМ.

Пробовал запросить документы письмом, ответа не получил. Сообщил комсомольскому секретарю батальона, лейтенанту Валере. Он после долгого раздумья предложил: «Вот что, надо тебе ещё раз вступить. Рекомендацию дам». Я тоже подумал недельку и ответил: «Стоит ли? Все равно через четыре года выбывать по возрасту. И вообще странное получится собрание, на котором комсомольского секретаря принимают в комсомол». Он согласился.

Секретарём меня не избрали, а скорее назначили за то, что до призыва работал в обкоме комсомола, и кто же лучше меня писал бы протоколы? К их сочинению постепенно и свелась моя секретарская деятельность: в роте все, кроме сержантов, имели высшее образование, болтовни наслушались до армии. Лежа с тетрадкой и ручкой на втором ярусе нар, я объявлял: «Ковшов! Запомни, позавчера было комсомольское собрание». – «Не было». – «Было якобы. Ты на нём сказал то-то и то-то». Ковшов, парень хозяйственного вида (точнее, сельскохозяйственного), оставался доволен умной речью, которую он, оказывается, произнёс. «Стрешнев! А ты сегодня на заседании бюро выдвинул такое-то предложение». – «Ладно», – соглашался большой и добродушный, как слон, Стрешнев. Лишь Кузибецкий (впоследствии, наверно, из него получился кругленький педагог в очках и с лысиной) однажды придирчиво осведомился: «Я политически правильную мысль якобы выразил? Якобы мысль».

Рота находилась далеко от всей части. Нам были приданы шофера, ремонтники (тоже солдаты). Они менялись, мы их даже не знали. Кто-то из них подрался в сельском клубе. Разбираться

приехал замполит части подполковник Савченко.

По пути он завернул во взвод, нёсший боевое пограничное дежурство километрах в двух от нас, и зачем-то полез под унитаз. Вообще-то для нужд стоял дощатый «скворечник» на улице. Но во время военных действий взвод должен был запереться в бетонном колпаке, откуда торчали две пушки. Для их охлаждения при стрельбе предназначалась вода в подземной ёмкости, на крышке которой и возвышался унитаз. Так хитро было придумано, чтобы дольше продержаться при осаде: вода, употреблённая в пищу, не утекала бы куда-то на радость врагу, а служила бы тоже оружием. Таким образом, унитаз был специально боевой.

Питьевая вода находилась в ёмкости рядом. Её залили ещё до нашего рождения, она с тех пор протухла. Когда мы в своём колпаке стали выкачивать её, чтобы заменить, то обнаружили, что ёмкости сообщаются между собой.

Подполковник поднял крышку с унитазом и увидел плавающую пустую бутылку. Выловил её. Выловил вторую. Третью, четвёртую… Наставил возле люка 92 бутылки, и ему надоело. Солдаты потом наловили ещё, сдали, и вырученная сумма очень пригодилась, потому что через неделю командир взвода, старший лейтенант, получил медаль «За боевые заслуги». Документы были отправлены давно, в ответ вернулась награда.

Савченко прибыл к нам. Поговорив с офицерами, он вызвал и меня. Сидя за столом, сказал: «А ну-ка, комсомольский секретарь, покажи свои протоколы». Было видно: он прекрасно понимает, что нет у меня никаких протоколов, придется наказать. Даже в самом-то расположении части не добьешься от секретарей порядка в документации, а уж тут, на отшибе…

Я не по уставу пожал плечами, повернулся по уставу через левое плечо и принёс тетрадь. Последнюю точку я поставил полчаса назад, как раз закричали: «Савченко приехал!»

Подполковник опешил, разглядывая мои образцовые писания. Уже без уверенности он произнёс: «Вопрос о дисциплине обсуждался?» Я развернул одно собрание и два заседания бюро. Если бы он вздумал опросить комсомольцев, так все предупреждены.

До сих пор обижаюсь: почему меня не поощрили отпуском на родину? Вот и надрывайся…

Мы уже полгода выполняли священную обязанность, когда из учебного подразделения прибыли два свежеиспечённых сержанта. Один из них, Ермилов, мне сказал: «Не успел в учебке вступить в комсомол! Рекомендации собрал, сфотографировался, анкету заполнил – всё готово. И не успел».

Я посоветовался с лейтенантом Валерой. Прежние

рекомендации вроде бы не имеют здесь силы, а новые дать некому, так как Ермилова знаем мало. Лейтенант рассудил: если человеку доверили оружие, так неужели не дадим комсомольский билет? Правда, это означало, что в комсомол принимает врач в военкомате. Но я оценил армейскую логику и написал в протоколе, что на собрании первичной организации Ермилов единогласно принят в ряды коммунистического союза молодёжи.

Каждый месяц я ходил сдавать взносы. По две копейки с человека – 72 копейки. Первое время носил их в кулаке, потом догадался класть в пилотку (карманы были ненадёжные) и маршировал 18 километров в один конец.

И вот однажды я сказал Ермилову: «Пойдём получать комсомольский билет». Он был юноша тихий, помялся и ответил: «Лучше послезавтра пойду. Там зубной врач будет – уж заодно...» Что ж, я поставил валенки на печку (больше я никогда их не видел) и в сапогах зашагал в часть.

Лейтенант встретил вопросом: «Где Ермилов?» – «Послезавтра придет». – «Как послезавтра? Комиссия завтра, все билеты должны быть вручены!»

Напряженно посоображав, он решил: «Вот что, ты будешь Ермилов. Пошли в штаб».

На втором этаже деревянного штаба части он отворил дверь в комнату, разделённую решётчато-стеклянной стеной. За окошечком сидела приятная, в меру худая женщина. Почему-то я не встречал толстых офицерских жён. Между тем шпал они не таскают, как жёны рабочих, однако именно у рабочих они толстые, а в армии бывают такими только у прапорщиков (по-гражданскому завхозов).

«Тамара Александровна! – сказал Валера. – Вот Ермилов». – «А!» – обрадовалась она. Достала красноватую книжечку-раскладушку – учётную карточку – и, занеся над ней перо, спросила: «Образование какое?»

Кто его знает, какое у Ермилова образование... Я ответил: «Восемь классов». Впоследствии оказалось десять.

Она записала и продолжила: «В каком году окончил?» Я опять ошибся года на два или три.

Протянув мне билет, она велела в нём расписаться. Там была фотография, но ведь маленькая, не разберёшь. «Тамара Александровна, – попросил я. – Можно, потом распишусь? В спокойной обстановке, красиво». – «Нет». Пришлось, ощущая неловкость перед Ермиловым, нарисовать его фамилию.

Женщина вышла из-за решётчатой стены и стала пожимать мне руку. Расчувствовавшись – якобы, – я произнёс сбивчивую речь: «Вы меня первая поздравляете. Я на всю жизнь запомню!»

Лейтенант тоже пожал руку. По его неудержимой улыбке трудно было понять, с чем поздравляет – возможно, с убедительным воплощением образа.

«Теперь вы поздравьте, товарищ майор», – обратилась Тамара Александровна. В комнате сидел мужик в сизой шинели. Положив шапку на стол, он что-то писал.

«Да ну, – отмахнулся он. – Я их вчера поздравил 150. Идите к Савченко, пусть он поздравляет».

К Савченко было нельзя, он меня знал. «Това-арищ майор, – стал просить я. – У меня такой торжественный день. Вы уж поздравьте, а я спасибо скажу».

По виду майора сделалось ясно, как ему нужно моё спасибо. Однако он надел шапку и, встав, внушительно произнёс: «Ну, солдат, у тебя был один устав, а теперь у тебя два устава. Служи, выполняй оба». Это приветствие я и сам, как обкомовский работник, не раз исполнял на сцене. «Спасибо, товарищ майор!.. Я всегда... Я никогда!..» Говорить мне помешали, надо думать, слёзы счастья.

Тамара Александровна получала громадное удовольствие. Вот как прочувствованно человек вступает в ВЛКСМ! Видно, ждал не дождался – такой пионер-герой Володя Дубинин. Желая продолжения, она заявила: «Теперь идём к Савченко!»

Мы с лейтенантом растерянно выскочили за ней в коридор. На лету я спешно искал, как улизнуть (выражаясь по-военному, совершить маневр), и уже затянул нечто путаное: «Тамара Александровна, у нас кто-то подрался, Савченко приезжал, и хоть я ни при чём, всё же лучше...»

Валера не понял моего замысла и бухнул: «Тамара! Это не Ермилов».

Она затормозила я медленно обернулась... С большими глазами она прошептала: «А кто же?»

Деваться было некуда. Я развёл руками: «Остап Бендер».

Валера устремился вниз по лестнице спасаться. Женщина ошарашенно качала головой: «Ну, мудрецы-ы!..» Я ещё задержался, спрашивая, где взять комсомольский значок не с булавкой, а на винте. Лейтенант снизу, одной рукой схватившись за фуражку, другой махал мне: пойдём, пойдём скорей!

Назавтра я пустился в обратный путь. Весь год я считал дни службы, это оказался ровно 300-й. Мрачный Юров, у которого был самый большой в роте размер шапки (точнее, размер головы, потому что шапки всем выдали маленькие, у повара она постоянно при снятии пробы сваливалась в котёл полевой кухни), – Юров однажды огрызнулся: «Надоели твои подсчёты! Я вот знаю, что после Нового года останется 105 дней, и ладно». – «106,

– поправил я. – Год високосный». Он огорчился и смолк, а впоследствии даже встал на мою сторону в споре о втором начале термодинамики.

В ознаменование 300-го дня я под конец марш-броска выпил в забегаловке стакан «Горного дубняка». Солдат не миллионер, чтобы тратиться ещё и на конфетку, и после 18 километров, да без закуски, мой моральный дух поднялся очень высоко.

Ввалившись в домик роты, и объявил: «Товарищи! В наши ряды! Влился!» и так далее.

Потом я влез на второй ярус нар и, отдав билет, подробно рассказал Ермилову о своём походе. Должен же человек запомнить такое событие, в комсомол вступаешь раз в жизни.

ПерепуК

Знакомый писатель привёл меня, начинающего, в Центральный дом литераторов. Ехали долго, поэтому сразу направились в туалет. Попутно мой вожатый называл мне известных людей, каких видел вокруг. Прошёл навстречу один, слышу:

– Самойлов.

Я стал вспоминать, что за Самойлов. Пока думал, добрались до места. Стоим, занимаемся делом. Наконец я сообразил – поэт. Спрашиваю:

– Давид?

Писатель почему-то поспешно подносит палец к губам и глазами указывает мне назад. Оборачиваюсь – рядом Самойлов! Оказывается, он свернул следом за нами и пристроился у соседнего писсуара. Самый пик процесса у него, и вдруг незнакомый человек называет его по имени! Поэт с перепугу чуть не оторвал себе орган.

Проворонил

Мне была подарена деревянная кружка. Я не знал, что она декоративная – ставить в неё карандаши, – и стал использовать по обычному для посуды назначению.

И вот пью чай, а снизу кружка почему-то мокрая. Гляжу, там выступил беловатый кисель. И каждый раз: пью – внизу кисель. Проведу по дну пальцем, кину эту непонятную жидкость в помойное ведро…

Потом кружка рассохлась, треснуло дно. Выбросил.

Спустя несколько лет прочитал в газете: наши учёные совершили открытие. Если пропустить обычную воду через капиллярные трубки, то она станет сверхплотной.

Да у меня ведь то самое и было в руках! Вода просачивалась между слоями дерева. Не знал я, что этот беловатый кисель был неизвестен науке. Мог бы запатентовать открытие. Глядишь, диссертацию защитил бы по деревянной кружке.

Национальные герои

Автором первой книги, которую я редактировал в издательстве «Молодая гвардия», был Виктор Станиславович Виткович. Он когда-то жил в Средней Азии, где познакомился с Владимиром Соловьёвым, создателем любимейшей моей книги «Повесть о Ходже Насреддине», и с ним вместе написал сценарий фильма «Ходжа Насреддин в Бухаре». А его собственному перу принадлежат сценарии фильмов «Волшебная лампа Аладдина» и «Русалочка» (на премьеру которой он вручил мне билет в Дом кино). Он рассказал, как у казахов появился классик литературы Джамбул Джабаев.

Корреспондент «Правды» прислал в редакцию стихотворение с подписью: «Джамбул. Перевёл с казахского такой-то». Газета опубликовала. Московская власть обратила внимание: в республике свой поэт. Тогда ведь, в 20–30-е годы, старались создать на отсталых окраинах собственную интеллигенцию, чтобы доказать семимильные шаги страны при советской власти. Диссертации сочиняли за чебуреков, которые вчера ещё не имели письменности. А тут готовый поэт, которого печатает даже орган ЦК партии!

Потребовали представить его пред светлые очи для дальнейшего прославления. В республике начался аврал: найти Джамбула, записать творения! Кинулись к корреспонденту. Тот темнит: ездил по аулам, не помню, в каком слышал… Видно, вовсе не перевёл, а лень было что-то искать, и он, не выходя из комнаты, сочинил сам в соответствии с политикой партии, имя тоже придумал. Теперь не рад.

Но Москва требовала. Решили разыскать акынов по имени Джамбул. Акыном быть несложно, когда по-казахски книга, например, называется «книгасы», конференция – «конференциясы». Рифмуй не хочу. Джамбулов нашлось аж девять. Который из них? Устроили между ними той (поэтическое состязание). Кто победил, тот и вошёл в школьные учебники.

Однажды я увидел афишу фильма – «Мангельдон». Что такое? Пошёл смотреть. Оказался «Амангельды». Это казахский герой Амангельды Иманов. Опять же надо было показать, что революцию устроила не кучка аферистов, а весь народ её хотел. Требовались национальные герои. И отыскали, кто грабил богатых (само собой, не бедных же, у которых взять нечего). Конокрад, проще говоря. Его и произвели в революционеры. Где ещё в мире снимались фильмы и ставились памятники

конокрадам?

Со стыда провалился

Сижу в издательстве за своим столом. За другими столами – младший редактор Таня и пожилой сотрудник. Зазвонил телефон, Таня сняла трубку. После короткого разговора положила и сказала:

– Какой невежливый абонент.

Я вроде бы задумался вслух:

– А как пишется – Абонент или Обонент?

Пожилой вскинулся:

– Ебонент!

И тут же понял, что он ляпнул. Говорит мне:

– Это от тебя хулиганство пошло?

А я что? Я как бы ни при чём.

Как-то раз я и Таня поехали в лифте с шестого этажа вниз. Неловко стоять молча, и я сказал:

– Однажды я с девушкой целовался в лифте.

Тане надо было как-то откликнуться. А тут двери раздвинулись на четвёртом этаже. Она вышла и громко ответила:

– Нашёл место целоваться – в лифте!

Боже мой! Там самое оживлённое место в издательстве: коридоры сходятся с разных сторон, с лестницы люди идут, и если кому-то надо пройти из этого корпуса (книжного) в другой (журнальный) или в типографию – тоже этой круглой площадки не миновать. Народу полно, и все уставились на меня.

Я скорее надавил кнопку и провалился сквозь землю.

Однократная годность

В Набережные Челны мы, делегация писателей, приехали на Неделю молодёжной книги. Я, как сотрудник издательства, – руководитель. Устроились в гостинице, и наутро входившая в группу поэтесса возбуждённо рассказала: «Проснулась, а за окном кружат чёрные птицы! Не уеду, пока не узнаю, что это за чёрные птицы!». Я глянул: «Галки». Седьмой десяток разменяла, а не знала галок!

Отправляясь в поездки по стране, предусмотрительные авторы брали с собой рукописи, перепечатанные на машинке. Ведь местные газетчики захотят отразить событие и попросят произведения. А она не позаботилась и, когда пришёл корреспондент, накарябала от руки.

Через день принесли газету. В стихотворении была строчка: «Помни, юность бывает однажды». В типографии почерк куриной лапы разобрали иначе: «Помни, годность бывает однажды».

Поэтесса закатила скандал. Пытаясь её утихомирить, я сказал: «Да ладно, слово перепутали в какой-то маленькой газете. Потом будете рассказывать и смеяться». Она и на меня покатила бочку: это мои стихи можно путать, а у неё выстраданы.

Ах ты, курица! Стишок-то у неё был о том, чего стыдиться надо, а не кричать, – о строительстве Магнитогорска. Он стоит на костях зэков. У неё ни слова о тех, кто страдал, – одна романтика, сю-сю.

Я и ответил: «Да уж, такую строчку, как “Помни, юность бывает однажды”, мне не написать. Главное, помни, не забудь такую мудрость! Не напишете ли цикл стихотворений: “Помни, детство бывает однажды”, “Помни, зрелость бывает однажды”, “Помни, старость бывает однажды”? Вот напечатали “годность”, и хоть есть что вспомнить».

Поэтесса страшно оскорбилась и принялась кидать вещи в чемодан: немедленно уедет! Ну-ну, галок узнала, можно в обратный путь. Никуда она, конечно, не уехала, ведь за выступления платили. К концу поездки примирилась и со мной, и со своей оставшейся в прошлом годностью.

Впоследствии мне рассказали, как с ней имел дело один поэт. Раздевал, а она хлопотала: «Ой, что вы делаете, что вы делаете?». Уже всё кончится через минуту-другую, а она – одно и то же. Девочка, видите ли, хотя сын – здоровый балбес. Поэту надоело, он бухнул: «Я тебя …» (кратко и непечатно). Она так удивилась, что полюбила его на две недели.

Изобретение от Хоттабыча

Писатель-фантаст Александр Казанцев, чьё собрание сочинений я редактировал, как раз в год моего рождения напечатал рассказ «Взрыв», в котором предположил, что Тунгусский метеорит – это потерпевший катастрофу корабль инопланетян. До конца дней Александр Петрович шутил, что осколки этого взрыва сыплются на него до сих пор. А в войну он основал Институт электромеханики в Москве и делал снаряды на колёсах, управляемые по тащившемуся за ними кабелю. Их испытали против немецких танков под Севастополем. Потом они помогли прорвать блокаду Ленинграда.

Он был директором института, а главным инженером – Зелик Львович Персиц. В пору моего с ними знакомства они уже там не работали, обоим было за 70.

Зелик Львович походил на старика Хоттабыча, когда дома носил халат и тапки с загнутыми носами. Он поведал, как однажды заметил вывеску «Академия коммунального хозяйства» (я видел её недалеко от Кремля) и сказал приятелю: «О, тут большие хитрецы сидят!». В самом деле, академики как-то не сочетаются с мусорными бачками. Персиц поспорил, что обманет их.

Зашёл к главному и, поскольку академия среди прочего занималась общественным транспортом, предложил «изобретение» – на рельсы нанести магнитной записью названия остановок, а на трамваи установить считывающие головки. Водителю не надо будет отвлекаться, чтобы объявлять остановки, – и ему легче, и повысится безопасность движения. Полная ахинея, конечно, на рельсе ничего записать невозможно, как на гвозде или топоре. Но глава академии заинтересовался, вызвал других своих деятелей, весь цвет научной мысли. Выдвинуто было единственное возражение: трамваи ходят с разной скоростью. Зелик Львович пояснил: ну и что, один раз название прозвучит басом, другой тенором.

Поняли, решили внедрять. Пока ещё не внедрили.

Сдержал слово

Приехав в совхоз на картошку, мы бросили рюкзаки в бараке и ушли на траву. Все трое из издательства, бутылка при нас, поговорить есть о чём. Вечер тихий, перед нами речка, позади красивая церковь. Так хорошо после душной Москвы!

Портил дело вертолёт с бочками по бокам и с длинными штангами в стороны. Пролетит над нами, разбрызгает в поле что-то и возвращается на перезарядку. До поля близко, поэтому летал часто, над самыми головами. До того надоел!

Я сказал: кинуть в него бутылкой, что ли? Мне возразили: да ну, ещё рухнет, если попадёшь в воздухозаборник двигателя или в лопасть. Потом от авиамеханика я узнал, что сбить чудо техники можно даже картошиной.

Вечером в барак пришла совхозная бригадирша и спросила, кто пойдёт до утра сторожить вертолёт. Я человек ночной и потому вызвался. Выходя, пошутил: «Ребята, завтра он нам мешать не будет».

Пришли на лужайку, которая служила посадочной площадкой. Ждали, ждали, его нет. Горючее у него давно кончилось. Механик предположил: сел у реки, пилот купается после рабочего дня.

Вдруг прикатил белый «Москвич», аж покосившийся от перегруза. Из него посыпались бабы и закричали: вертолёт лежит на поле!

Мы вскочили в грузовик и помчались. Ещё издали увидели вертолёт на боку, штанга торчала вверх. Все лопасти обломаны, кроме одной маленькой на заднем винте, куски валялись вокруг. Поблизости – водяная пушка, возле неё мужичок в плащ-палатке до земли.

Прихрамывавший пилот рассказал, что эта пушка поливала капустное поле. А он заходил на ту же капусту. И попал на струю. Представляю, какой был скрежет и грохот, когда машина била лопастями по земле. Дверь оказалась внизу, пилот с перепугу вылез через форточку шириной в ладонь.

Всю ночь я сторожил, сидя в бензовозе. Подростки из села приходили посмотреть. Заяц прибегал на капусту.

Вернувшись утром в барак, я объявил: «Ребята, я слово сдержал». По расчёту времени получалось, что катастрофа произошла, как только я сказал: завтра вертолёт мешать не будет.

Через годы все мы подевались кто куда, и я думал, свидетелей теперь не найти, никто не помнит этого случая. Но

зашёл в издательство к художнику Константину Фадину, он встретил словами: «Пришёл вертолёты сбивать?».

"Зиз"

Паренёк лет семнадцати промчался по коридору районной газеты и в конце толкнул дверь. Видно, ему всё равно было, в какую дверь стучаться. А эта оказалась заперта. Увидев меня, сидевшего у стола в стороне, он торопливо спросил:

– Где тут отдел песен?

Мне послышалось "отдел писем". Я сказал:

– Давай сюда.

Он подбежал и уточнил:

– Песни сюда отдавать?

– А, песни? Песни тоже сюда.

Рубашка у него была расстёгнута, он казался немного не в себе.

– А напечатаете?

– Посмотрим – если хорошая...

– Хоро-ошая! Её поют.

– Музыку тоже сам сочинил?

– Нет... Музыки нет.

– А как же поют?

– Ну, так уж. Вот так, – он было запел.

– Может, это не песня, стихотворение?

– Может, стихотворение, – согласился он, как видно, не чувствуя себя уверенно в теории.

– Ну, давай песню.

– А у меня её нет.

– Как же ты принёс?

– Я могу списать. Сейчас...

Он повернулся и побежал, толкаясь в разные двери, спросил где-то авторучку и вернулся. Школьная тетрадка у него была в руках. Он сел к столу и принялся строчить.

Время от времени я поглядывал: он писал, высунув язык, и заполнил одну страницу, вторую... На третьей остановился и отдал текст мне.

Оказалось, песня не такая уж длинная, просто на строке у него помещалось не больше двух-трёх слов. Речь в песне шла о том, что "у тебя на ресницах серебрятся снежинки, только нас разлучила злодейка-тюрьма".

– Сидел, что ли? – спросил я. – Там сочинил?

– Ага, – неопределённо отозвался он. – Её пели, пели, а теперь вот решил пустить её в ход.

– А это что за слово? – сказал я. Почерк у него был не очень

разборчивый. – "Зиз".

– "Жизнь". А, я "н" забыл написать.

Он дописал: "зизн".

– Ну что же ты...

– Да я неграмотный, – согласился он легко.

Надо было отправить его восвояси вместе с тюрьмой и песней. Но как?

– Про тюрьму не надо бы, – заметил я, оттягивая время.

– Да это можно выбросить.

– А вот здесь нескладно: "любить – тебе".

– Как нескладно?

– Ну вот – "любить"… а дальше получается "тебить".

Ему это было трудно понять.

Я наконец нашёл выход. Сказал:

– Песню не так пробивают. Ну, что ты у нас получишь? Три рубля. А надо, чтобы ансамбль исполнял. Это тыщи большие.

Он посоображал и быстро спросил:

– Танцы сегодня есть?

– Не знаю... – опешил я. – Вторник.

– Я пошел. Спасибо!

Схватив тетрадь, он умчался. По пути вернул кому-то авторучку.

Думаю, на танцах с ним легко разобрались. А впоследствии я узнал, что эта "песня" давно существует. Наверно, его ещё на свете не было, когда она появилась.

Злободневный вопрос

День выдался очень напряжённый. Один сотрудник отдела только что вышел на пенсию, замену ещё не подыскали, второй заболел, и я тянул за троих. Вдобавок один за другим появлялись посетители: почему-то именно в понедельник все авторы хотят узнать судьбу своих заметок.

Дверь открылась в очередной раз, и кто-то указал на меня приземистому старику в линялой рубахе и в шляпе. Я занимался другим человеком и сказал:

– Подождите, пожалуйста. Садитесь.

– Некуда, – ответил старик звучно.

– Как некуда? – В комнате было несколько стульев.

Он сел, достал мятую пачку "Беломора" и, поглядев в неё, сообщил:

– Вот то-то и оно, что курить нечего. Беда наша.

И закурил.

Я в ту пору только что отпустил бороду – посмотреть, как получится. Заметив её, старик убеждённо посоветовал:

– Сбрей, сынок.

Сам он был чисто выбрит.

Я закончил дело с другим посетителем, и тот ушёл.

– Хочу обсудить с вами злободневный вопрос, – начал старик. – 83 года мне. Всё забываю. Забыл ключи от квартиры. Не могу домой попасть.

Я затруднился. Как помочь человеку? Уж ладно, что он не по адресу пришёл. Но что посоветовать?

– Надо к слесарю обратиться.

– Да я был в домоуправлении. Говорят, они этого не могут.

– А квартира на каком этаже?

– На четвёртом.

– Балкон есть? С соседнего балкона перебраться нельзя?

– Далеко-о, – усомнился старик. – Как эта комната шириной, так далеко.

– Может, пожарных попросить? Они залезут по лестнице.

– Пожарных можно... Да ведь они стекло разобьют.

Я умолк, не зная, что ещё предложить. Он рассказал:

– У нас один тоже не мог в квартиру войти. На пятом этаже жил, на верхнем. Пьяный был. Хотел с крыши на балкон спрыгнуть. Ведь промахнулся!

– Разбился?

– Насмерть. – Он сказал об этом легко: видно, переход в иной

мир не казался ему трагедией.

– И что это, некому дверь открыть... – заговорил он снова. – Вот я работал у Викулы Морозова. Бывало, захлопнется что-нибудь, меня зовут, и мне потом пятиалтынный. Я мальчонкой был – гривенник мне на кино, и ещё пятачок остаётся.

"Господи! – подумал я. – Морозов, дореволюционный фабрикант! А какое тогда кино было – Вера Холодная, Макс Линдер... скорость 16 кадров в секунду".

– Никак не помру, – пожаловался он.

– Ну вот ещё...

– Да ведь падаю я! Иду по улице и упаду. Люди говорят: старый, а набрался. Бабка одна к самому лицу наклонилась. И не лень было! "Ай, такой-сякой", – на меня. Я уж изловчился и палкой её. По голове попал! Как она побежала, как закричит: "Караул!" А, думаю, всё-таки я тебе утрафил.

Я засмеялся и сказал:

– Ну, спасибо, что зашли.

– Не скушно со мной? – спросил он, очень довольный.

– Нет, не скучно!

– Ладно, пойду. К сыну. Или он откроет, или переночую у него.

Я проводил его до двери. Напряжение дня как рукой сняло.

И только позже пожалел: почему я не поговорил с ним подольше? Околыш бы он рассказал! Всё дела, дела у нас, чепуха какая-то... А ведь человеку 83 года, больше я его не увижу.

Женщина

Ответственный секретарь редакции, маленькая красивая женщина лет двадцати пяти, встретила меня словами:

– В полосе дыра. Надо её срочно заполнить, подготовьте какое-нибудь письмо читателя.

– Сколько строк?

Она взяла газетную страницу, в середине которой зияло белое место, и приложила к нему линейку.

Но вдруг вспомнила:

– Ой, надо ведь эту статью отдать на вычитку.

С полосой она побежала в отдел промышленности и через несколько минут вернулась.

– Так сколько строк?

– Сейчас посчитаю.

Она достала другой экземпляр страницы и опять взялась за строкомер. Однако снова отвлеклась:

– Подождите, позвоню в типографию, а то забуду.

Последовал телефонный разговор с корректором по поводу опечатки. Я ждал. Когда трубка была положена, напомнил:

– Сколько строк?

– Ой, правда...

Опять пошёл в ход строкомер. Но тут в комнате появился редактор с каким-то вопросом.

Машинистка принесла отпечатанный материал. Потом вплыла толстая девушка в криво сидевшей юбке и сдала объявление. Кто-то спросил 48-ю комнату. Зазвонил телефон.

Я занимался своими делами и время от времени подсказывал:

– Строчки...

В принципе их несложно посчитать самому. Но мало ли какой там предполагается шрифт и сколько места должен занять заголовок, и окружающие статьи ещё могут сместиться, – не в свою работу лучше не лезть.

Через два часа ответственный секретарь сказала:

– Вы сделали заметку?

– Так строчки-то?..

– Как, вы ещё не сделали заметку?! За два часа! Нам уже пора в типографию отсылать!

Через несколько мгновений мне наконец было сообщено: 28 строк. Я их быстро напечатал на машинке.

Красивая женщина у нас ответственный секретарь.

Шляпка

Мы трое курили в коридоре. Заведующий отделом писем и я, корреспондент этого отдела, доказывали фотографу, что у него работа куда легче нашей. Мы пишем, пишем, рука болит, а он щёлкнет, вот и снимок. Нам бы так: хлопнул по бумаге, и статья!

Вдруг появилась худая женщина, двигавшаяся как-то порывисто. На голове у неё сидела легкомысленная шляпка вроде котелка с полями. Женщина дёрнула дверь ответственного секретаря (кажется, не в ту сторону) и побежала мимо нас обратно.

У выхода она неожиданно остановилась и, обратившись к нам, быстро заговорила:

– Хотела спасибо сказать, что напечатали объявление, как звонить в "Скорую помощь". Хоть буду знать, кого вызвать, если что случится.

Ещё мы не успели сообразить, что такого объявления не помещали, да и нужды в нём как будто нет, телефон 03 без того всем известен, – а она уже продолжала:

– Я, конечно, здоровая. Но мало ли что? Вдруг хулиганы придут? Стукнут, и всё. Да, а что вы думаете? Могут прийти, – подтвердила она, хотя мы не собирались возражать.

– Со мной, правда, опасно связываться, – похвасталась она. – Я приёмы знаю. Почти мастер спорта.

Похоже, она смущалась перед незнакомыми людьми, оттого и тараторила без передышки. Замолчав, смутилась бы ещё больше.

– Ну да! – заявила она с правдивым лицом. – Своего сына сама тренировала. Так что пускай только придут!

С тем шляпка поспешно исчезла.

Мы поглядели друг на друга. Заведующий без сил положил руку на живот и присел от беззвучного хохота. На меня и фотографа тоже напал приступ смеха.

И ведь посетительница пробыла-то в редакции всего с полминуты. Вот это эффект столь краткого выступления!

По некоторым соображениям

На телевидении мне предложили написать сценарий передачи. Я покопался в книгах – тема была научная, – приложил всю фантазию, сколько смог, и составил подробный план. Сочинять текст целиком показалось неловко: передачу предстояло вести не менее чем доктору наук, и что же, специалист будет заучивать слова любителя?

Женщина, которая давала мне задание, ознакомилась с планом и сказала:

– Очень хорошо. Только, пожалуйста, напишите всё-таки полный текст.

Пришлось снова зарыться в книги и изучить этот узкий вопрос так, чтобы доктор наук не сделал замечаний. Потом я изложил всё узнанное на бумаге, перепечатал на машинке, поправил, ещё раз перепечатал и приехал на телевидение.

– Очень интересно, – сказала та же сотрудница. – Правда, вот это надо бы выбросить... по некоторым нашим соображениям. И это.

Я отправился домой, вынул из сценария несколько страниц, другие переставил, чтобы материал выглядел логично, дописал, сколько не хватало для отведённого на передачу времени, – короче, переделал всё. И опять явился.

– Именно то, что нам нужно. Ещё бы ввести мультипликацию...

Тут я засомневался. Ведь и про некоторые соображения, и про мультипликацию можно было сказать, когда ещё существовал только план. Однако извлёк из сценария то, что поддавалось рисованию, придумал новые темы для художника и опять перепечатал рукопись в трёх экземплярах.

– Так, замечательно. Но мы тут решили, что ведущего не будет. Попытайтесь обойтись без него.

А сценарию предстояло пройти более высокие инстанции, и если каждая из них тоже потребует трёх-четырёх вариантов? И так уж я занимался этим месяца три, написал с полсотни одних только "интересных и замечательных" страниц, а с копиями полтораста, и ещё горы черновиков...

Больше я не ездил на телевидение.

Источник популярности

Вечером я вышел на балкон подышать. В сумерках противно выли коты.

Женщина из соседнего подъезда зашла в кусты, стала шуметь и стучать по ним палкой.

А другая, слышу, ей советует:

– Журналиста, журналиста! У журналиста кот такой драчун!

Когда мой Тимошка вернулся с прогулки, я встретил его словами:

– Что, журналист? Ходишь мне известность создавать!

Чёрный столб

Поздним летним вечером я работал за компьютером не у себя дома. Позвонила жена:

– На улице чёрный столб! Соседи на лестнице собрались, смотрят в окно, боятся. Он приближается!

Бросив аппаратуру включённой, я помчался спасать семью. Давно так не бегал… Под фонарями плавали в тёплом воздухе мельчайшие хлопья. Гарь от ракеты? Инопланетяне прилетели?

Первым долгом я заглянул домой. Дочки спали в дальней комнате. Жена сидела на кухне и наедалась перед эвакуацией, а то когда ещё придётся…

Соседи толпились на лестнице. Выйдя из квартиры, я спросил:

– Ну, что у вас?

Они раздвинулись, пропуская к окну. Я глянул и сказал:

– Тьфу! Пойдём покажу, что это такое.

Мы спустились на улицу. Женщины и дети боязливо отставали. Одна недоумённо произнесла:

– А здесь нет столба…

Я показал вверх:

– Вон он.

К звёздному небу уходила прозрачная тёмная стена. Её из окна они видели с торца.

Выйдя на освещённое место, я объяснил:

– Вон фонарь. А перед ним – сосна. Тень от ствола – это и есть ваш чёрный столб. Он виден только из нашего подъезда.

– Но раньше такого не было!

– Сейчас торфяные пожары. В воздухе гарь. Она освещена, тень на ней особенно заметна.

Я сообщил жене, что эвакуация отменяется, и пошёл обратно к компьютеру. Не удалось встретиться с инопланетянами.

Алкоголь сбоку, сверху и напротив

Получив квартиру, я ещё не знал, куда попал…

Я тогда занимался «Словом о полку Игореве». Поводом послужил визит самодеятельного исследователя, который сообщил, будто я – потомок автора поэмы. Между прочим, её автор неизвестен. Но гость расшифровал, что о походе половцев в ней говорится для отвода глаз, а на самом деле предсказано будущее. В произведении XII века он обнаружил Бориса Годунова, жившего на 400 лет позже, американского сенатора Эдварда Кеннеди и заодно уж меня, для научной полноты.

Всё было так серьёзно изложено, что я развесил уши, после ухода новатора науки взял книгу с полки и сел читать, что сочинил пращур. Ночь. Под лампой – книга с загадочным для меня тогда древнерусским текстом. Тёмное окно. Тишина… Вдруг глухо послышалось: «Виктор!». Встав, я поглядел за окно. На тротуаре никого. И вновь, едва только вчитался, раздалось: «Виктор!». Я заглянул из окна в обе стороны. Никого. Сел, вчитался, и опять: «Виктор!». Вышел на лестницу, прислушался. Все спали.

Вообразите, мне только-только было сообщено, что поэму написал мой предок, проникавший сквозь времена, и тут же он стал окликать меня… Четыре ночи я бился над тайной поэмы, и ровно столько же продолжались крики. С ума сойти…

Правда, теория гостя оказалась чепухой: для «дешифровки» он выкидывал все гласные, а согласные переставлял и вписывал другие гласные. Таким способом можно, например, из слова «блин» получить рассказ: «Альбина больна, она была на балу и набила на лбу…». Так что со своим почётным происхождением пришлось распрощаться. Зато я увидел и решил другую задачу, над которой учёные бились два столетия. Но здесь она не в тему, о ней у меня отдельная книга – «Четыре солнца».

А кто же окликал меня, как сквозь толщу веков? Загадка мучила полгода, пока я, поднимаясь к своей квартире, не услышал из-за соседней двери знакомый возглас: «Виктор!». Там жил старик, который когда-то при первой встрече на этой же лестнице спросил меня: «Там есть чё-нибудь?». По моей авоське было видно, что возвращаюсь из магазина, и дед подразумевал «книги в стеклянных обложках». Но, видимо, по моему лицу понял, что у нас нет общих интересов. На рассвете он выходил искать пустые бутылки в кустах и уносил к себе лампочки с лестничной площадки. Не знаю, кого он по ночам, один в

квартире, звал в пьяном бреду.

Другие события тоже поначалу приводили в недоумение. Раздаётся звонок в дверь (нередко тоже среди ночи). Открываю. Какой-то ханыга протягивает деньги со словами: «Жена дома?». Как вам понравится – спрашивает мою жену и платит вперёд! Не сразу я узнал, что надо мной живёт самогонщица, алкоголики ошибаются этажом. Один пришкандыбал с палкой. Я отправил его выше, а минут через 10 он опять явился. Оказалось, ему сказали, что цена повысилась, он ходил за тремя рублями. Ещё минут через 10 приковылял снова: сказали, что в свою посуду, он ходил за пустой бутылкой. Другой на моём месте отнял бы у него палку и отдубасил как следует.

Самогон, как известно, гонят из браги. Однажды наверху грохнуло – лопнула бутыль. У меня закапало с потолка. Можно было лечь на диван и раскрыть рот. Очень удобно!

О соседях рядом и сверху сказано. Теперь о тех, кто напротив. Хозяина, когда он возвращался пьяным, жена не пускала ночевать. Час-другой он стучался и звал на весь подъезд, утром мы видели его спящим на площадке. Жить было не скучно. Потом жена ушла, а у него пили-курили, и случился небольшой пожар. Залив его из ведра, хозяин куда-то подевался. Но там тлело и постепенно разгорелось, пришлось вызвать пожарных. Они вылили цистерну, что привело к понятным последствиям у соседей внизу, только что сделавших евроремонт.

От расстройства хозяин выпил и лёг спать в комнате, не затронутой огнём. В другой снова запылало, да так, что со всего квартала народ собрался, как на гулянье. Языки пламени из окна обнимали верхний балкон, у тех соседей полопались банки с запасами. Вообразите картину: вечер, толпа с задранными лицами, из широкого окна рвётся вверх полотнище огня, из него летят огурцы!

Поняв по незапертой двери, что хозяин дома, я хотел в противогазе спасти его. Хорошо, что не сразу нашёл противогаз, а то и меня вынесли бы без чувств. От пожарных я узнал, что армейский противогаз не защищает от угара. Ещё две цистерны смыли последние следы евроремонта и протекли до первого этажа.

Потом хозяина не стало на свете: в очень жаркое лето выпил лишнего. Жена вернулась и от своей вдовьей доли ударилась туда же, в бутылку. Сын подрос, теперь уже он стал её не пускать домой. Но, видимо, она сумела объяснить ему, сколько удовольствия в стакане, стали выпивать вместе. И вот ночью звонок в мою дверь. Открываю. Стоит абсолютно голая соседка. Сын напился и, сорвав с неё одежду, вытолкнул на лестницу. Куда

ей деваться? Я добрый, она ко мне. Представляете – ночь, моя душа жаждет большого и светлого, и тут является ещё не утратившая красоты, притом подвыпившая женщина, заранее заботливо раздетая.

Ну, где бы ещё я так интересно жил? Столько веселья от алкоголя, а вы говорите, он такой-сякой…

P.S. Одна девушка рассказала про своего деда. Бабка послала его в магазин, наказав купить чаю. Он шёл и повторял, чтобы не забыть: «Чайку. Чайку». Споткнулся, и получилось: «Чайку-шечку. Чекушечку». С ней и вернулся.